

Е.П.КАЛАЧИН

ПЕРСТЕНЬ

Минск-2001

УДК 778, 5(476)
ББК 85.373 (4Бел)
П 43

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Фото и обложка – автора.

Калачин Е.П.

Перстень: Повесть. – Мн.: Производственно-торговое частное унитарное предприятие “Арти-Фекс”, 2003. - 72 с. Ил. ISBN 985-6708-04-4

Это повесть о жемчужине Черноморского побережья Кавказа – Гагре конца 1980-х – начала 1990-х годов; о теннисном городке в парке Старой Гагры, его хозяине и завсегдадаях; о красоте молодости и о любви.

УДК 778, 5(476)
ББК 85.373 (4Бел)

ISBN 985-6708-04-4

Текст. Калачин Е.П., 2003.
УП “АРТИ-ФЕКС”

ПЕРСТЕНЬ

1. МАГНЕТИЧЕСКАЯ СИЛА ГАГРЫ

В одном из рассказов Василия Шукшина главный герой пишет своему давнишнему другу: “Куда думаешь двинуть летом? В Гагры вшивые? Я эти Гагры уже не могу видеть. Давай, слушай, махнём куда-нибудь вместе? Только не в Гагры, ну их к чёрту. На Волгу куда-нибудь? Ты прозондируй свою половину, а я свою: соблазним их кострами, рыбалкой, ещё чем-нибудь... А? Давай, старик? Ей-богу, не скучно будет”.

Гагры вшивые... Во как. А по мне так лучше этого райского уголка – Гагры – на всей планете не сыщешь. Кто-то скажет: “А Канары? А Гавайи? Думай, когда говоришь”. На это отвечу словами генерала Чарноты из булгаковского “Бега”: “Мадрид. Испанский город... Не бывал. Но могу пари держать, что дыра”.

Чарнота совершенно убеждён, что лучше наших городов – Харькова, Ростова, Киева – нет на земле. Так и тут – может, и есть места красивее и экзотичнее, чем Гагра, но по сумме достоинств – великолепная природа, субтропический климат, отсутствие языковой проблемы, общение с друзьями и знакомыми, ежегодно, как и ты, приезжающими на бархатный сезон, теннисные корты в десяти шагах от моря – Гагра давала сто очков вперёд любому курорту.

Я говорю о Гагре советских времён, до путча ГКЧП и последующего за ним развала Союза. Пусть жили мы, как правило, в некомфортных жилищах, а иногда так просто в клетушках, похожих на курятники (лишь бы поближе к морю и теннисным кортам); пусть питались чем попало и обедали в рабочей столовой, где комплексный обед стоил 1 рубль; пусть снабжение Гагры, как и всех советских городов, становилось всё хуже и хуже. Пусть всё это было, а московская поэтесса Анна Михайловна Потапова, самая преданная поклонница Гагры, даже сочиняла на эту тему стихи... Погодите, дайте вспомнить. Да, кажется, так:

ГАГРА-86

Неча пить и неча есть.

В магазинах в эти дни

Только блинчики одни.

Море стало холодать,

Надо было бы поддать.

Эка вышла незадача,

Что же делать мы должны?

Хоть бы выбросили чачу

Для участников войны.

ГАГРА-87

Неча есть уже совсем...

ГАГРА-88

*Ничего уже не просим,
Только деньги отдаём,
Зато весело живём:
Мы танцуем и поём.
Три рубля стоит квартира,
Но без газа, без сортира,
Но мы весело живём –
Фрукты из Москвы везём.*

Ну, как вам стихи? Прimitив? Пожалуй. Но как метко схвачено! Тут и местный колорит (чача), и издёвка над крохотными подачками ветеранам войны, и популярное в нашем народе словцо “выбросили”, совершенно непонятное иностранцу. Не оставьте без внимания и фразу “Неча пить и неча есть”. Ну, “неча есть” - это понятно. А вот – “неча пить”...

Забота родной партии о здоровье простого советского человека привела к тому, что он, находясь в Гагре на отдыхе, не мог выпить стаканчика “Букета Абхазии”, рюмочку коньяка “Варцixe”. Партийная корова по кличке “Лигачёв” начисто слизнула с полок магазинов прекрасные грузинские вина “Напареули”, “Ахашени”, “Твиши”, “Алазанская долина” (белое) и “Алазанская долина” (красное).

Повторяю, пусть всё так и было, но, несмотря на это, как птицы по весне летят на север и селятся всегда в одном и том же месте, так мы по осени стремились только в Гагру.

Однажды я оказался за одним ресторанным столиком с немолодой уже супружеской парой. Сидим, молчим. Замечаю, глаза у них сияют от радости, и оба смотрят на меня, но стесняются начать разговор. А их просто распирает от желания что-то рассказать, поделиться своим счастьем. Тогда я первый вступаю:

-Как хорошо тут, в Гагре! В Москве, говорят, вчера снег выпал, а тут – теплынь, запах эвкалиптов и шум прибоя – слышите? Удар волны и – откат с рокотом мелкой гальки: rrrrrr. И опять удар, и снова – rrrrrr.

И тут их прорвало. Они наперебой стали рассказывать, как много лет подряд проводили отпуск в Гагре, как они её любят и прочее в том же духе. Но в этом году задумались: ну, что мы всё в Гагру, да в Гагру? Решили поехать в Крым. Приехали в Мисхор. Что-то не то. Переехали в Гурзуф. Скучно. В Алупку. Нет, не нравится. В Ялту, в Алушту, - всё не по душе. А отпуск кончается. И тут одновременно им обоим пришла в голову мысль: да что же мы время-то теряем? Только в Гагру! Несутся в Симферополь, там – на самолёт, и вот они в Гагре, и счастливы, и чувствуют себя прекрасно, и ещё 10 дней отпуска у них впереди!

Я знал многих людей, предпочитающих Гагру всем другим курортным местам. Возьмите хотя бы одесситов Лёву Грабоя и его жену Марину. Уж им-то, жившим у того же самого Чёрного моря, чего дома не сиделось? Почему, как только приближался май или наступал октябрь, так Лёва с Мариной уж

тут, в Гагре? Такова магнетическая сила Гагры, она притягивала даже избалованных морем людей.

Насладившись летом своей Юрмалой, в сентябре-октябре в Гагру каждый год приезжали рижане, маленькая веселая Дзидра со своим высоким молчаливым супругом Янисом. Много лет подряд одни и те же люди из Харькова, Донецка, Киева, Минска, Ленинграда, не говоря уж про москвичей, проводили свой отпуск в Гагре осенью, а если удавалось, то приезжали и на майские праздники.

2. ПАЛЬМОВАЯ АЛЛЕЯ

Железная дорога на черноморском побережье Кавказа частенько подходит слишком близко к берегу моря, и это – бич многих курортных мест (Лазаревское, Лоо, Аше): чтобы пройти на пляж, надо непременно перешагнуть через рельсы и пропитанные дёгтем шпалы. Лежишь на пляже, а мимо, чуть ли не над самой твоей головой, с шумом и грохотом проносится товарняк.

В Гагре этого нет. Я говорю о Старой Гагре, то есть о той части большого города Гагра, которая с севера притиснута Гагрским хребтом к самому морю, а с запада и востока ограничена ущельями, получившими свои поэтические названия от протекающих по ним рек Жоэква и Гагрипш (по легенде - именно в этих местах Ясон со своими аргонавтами надеялся найти Золотое Руно).

Поезд, подкатывая к Гагре, пересекает Жоэкварское ущелье по виадуку над площадью Гагарина и ныряет в пробитый в горе тоннель, поэтому в Старой Гагре поездов не видно и не слышно, просто забываешь о железной дороге.

А море? А вода? Плавая в Адлере между бетонными надолбами, чувствуешь себя подопытным дельфином, а не человеком. Купаясь в Сочи, отплёвываешься от бензина, солянки и ещё чего-то специфического, что всегда появляется при гигантском скоплении человеческих тел в воде. Гагра по чистоте морской воды уступала разве что Пицунде.

Но по красоте набережной Гагра была вне конкуренции. Как сейчас, вижу: вдоль берега, повторяя его изящный изгиб, идёт знаменитая пальмовая аллея.

Это вам не жалкие пальмы в кадках, какие во множестве вы можете встретить на средиземноморских берегах Италии, например. Мощные стволы слоновых пальм с огромными ветвями, дающими густую тень, растут прямо из земли двумя рядами. Их равномерное чередование прерывается только в одном месте – там, где в глубине парка просматривается фасад ресторана “Гагрипш”, одного из самых популярных ресторанов в Абхазии.

Набережная Гагры – любимое место всех отдыхающих, место встреч и свиданий. Когда, собираясь в отпуск, говорили: “Встретимся в Гагре”, то не уточняли, где именно, ясно – на набережной. В плотной стене самшитовых кустов сделаны углубления, в них очень уютно расставлены скамейки, и здесь

под сенью пальмовых листьев находили уединение любители чтения и застенчивые влюблённые.

Вы непременно встречали здесь странных женщин, всегда, в любую погоду, даже в жару, одинаково одетых с ног до головы во все чёрное. Их лица, скрывающиеся за чёрными косынками, с трудом можно было разглядеть. Под своими длинными юбками они всегда что-то прятали, пугливо озираясь по сторонам и таинственными жестами приглашая вас отойти в сторонку. Эти женщины гораздо лучше Лигачёва знали, что нужно народу, и вы всегда могли по сходной цене купить у них крепчайшую виноградную чачу или домашнее вино “Лыхны”.

Тут, на набережной, люди совершали ежевечерний моцион, любуясь лунной дорожкой в хорошую погоду и вдыхая йодистый морской воздух при шторме. Днём полно было пляжного народа, так как пляж – вот он, рядом с набережной.

Я любил, заплыв подальше и перевернувшись на спину, любоваться видом Старой Гагры. Над пальмовой аллеей – гора закрывает полнеба, а над ней, несмотря на солнечный день, виден бледный след луны. По зелёному склону горы живописно разбросаны красивые здания: слева – дом отдыха “Чайка” с остроконечными черепичными крышами, в центре, среди высоких кипарисов, – санаторий “Колхида”, ещё выше – ослепительно белая “Скала”, чуть правее и ниже – дом, в котором в 30-е годы снимали фильм “Весёлые ребята”, а справа, в конце пальмовой аллеи, у самого берега моря – белые крылья Колоннады.

Но, конечно, самая большая достопримечательность Гагры – её чудный парк, которому уже сто с лишним лет. Громадные эвкалипты, величественные платаны, бамбуковые заросли, - каких только экзотических растений там не было! Тишину субтропических зарослей то и дело прорезали резкие гортанные крики павлинов, в прудах плавали утки, гуси, белые и чёрные (австралийские) лебеди, пеликаны. По всему парку проложены извилистые дорожки, покрытые мелкими белыми камешками, расставлены скамейки, так что в любую жару здесь можно было найти тенистое прохладное место, что-нибудь почитать или просто посидеть и о чём-нибудь подумать.

3. ЗОЛОТАЯ КУРИЦА

Вот в этом-то парке, между “Колхидой” и “Колоннадой”, рядом с набережной, и находилась главная для нас – теннисистов – приманка Гагры: теннисные корты. Не будь их, Гагра потеряла бы половину своей прелести, и мы, вслед за шукшинским героем, тоже могли бы воскликнуть: “А ну их к чёрту, Гагры эти вшивые!”. Ну, пальмы. Ну, поезда не слышно. Ну, вода чистая. Ну, парк хороший. А всё же главной причиной притягательности Гагры был Его Величество Теннис, теннис у моря, эти чудесные шесть кортов.

Владимир Фёдорович Чикель – вот кто был создателем этого уникального теннисного комплекса. Это он сумел сделать из заурядного, неровного, покрытого серым пляжным песком подобия теннисных кортов, не высыхающих по два дня после самого слабого дождя, - корты, подобных

которым нет нигде. Он сумел выбить из хилого городского бюджета деньги на их капитальный ремонт, соорудить прекрасную дренажную систему. Теперь, как только начиналась гроза, он бросался к дренажным вентилям, закрывал их и ждал окончания ненастья. Затем открывал вентиля и плавно спускал воду в море. Через час-полтора, а то и раньше, после любого, хоть бы и тропического, ливня на кортах уже можно было играть.

Это он разузнал, что где-то, чуть ли не под Новым Афоном, пилят красный туф для получения строительных блоков, и перевёз в Гагру опилки для верхнего – игрового – слоя кортов. Он искал и находил другие необходимые для прочного слоя компоненты, укладывал смесь, поливал, укатывал катком, ровнял, снова поливал, снова и снова укатывал, пока не добился нужного результата – абсолютно ровных, красивых тёмно-красного цвета кортов с очень мягким отскоком мяча.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, но зато корты получились – загляденье!

Как-то в Гагру приехали шведские теннисисты (кто-то их надоумил, что лучших кортов для своего тренировочного сбора они не найдут), потренировались на них и пришли в полный восторг.

-Мистер Чикел, Вы имеете золотой курица, он может давать золотые яйца! Вы, наверно, очень богатый человек, деньги текут к вам рекой?

-Ага. Лопатой гребу.

-Что есть “лопатагребу”?

-Так, ничего, проехали, - сквозь зубы отвечал Володя, получавший в пансионате “Жоэквара”, к которому были приписаны корты, 120 руб. в месяц.

Он ревностно ухаживал за своим детищем и “пахал” на кортах не за страх, а за совесть. Приходил в 5.45 утра, у ворот уже с нетерпением толпилась очередь из 25-30 любителей тенниса. Глядя поверх голов, без тени улыбки, произносил общее “Здравствуйте”, отпирали ворота и начинал продажу билетов.

-Кто на шесть, становитесь сразу, заплатите потом.

Счастливая шестёрка в порядке очередности моментально захватывала корты. Лучшим негласно считался третий корт: ещё бы! – на нём неизменно по вечерам играл сам Чикель. Затем занимали второй, четвёртый и пятый. Наименьшей популярностью пользовались крайние корты: шестой, поскольку был рядом с тренировочной стенкой, и первый – по непонятной причине.

-Володечка, миленький...

-Я вам не Володечка.

-Ой, простите, Володя...

-Кому Володя, а кому Владимир Фёдорович.

-Владимир Фёдорович, мне четвёртый на девять.

-Два рубля.

-Вот, пожалуйста.

-У меня нет сдачи с пяти.

-И не надо! Прошу вас, дайте мне ещё четвёртый на десять для Павла Афанасьевича.

-Вот пусть он сам придёт, станет, как все, в живую очередь и купит.

-Он не может.

-Почему?

-У него... процедуры.

-Не пудрите мне мозги! Какие процедуры в шесть утра?

-Ну, не процедуры, а... Он, знаете ли, привык по утрам спать.

-И на здоровье.

-Да, но он хотел бы и поиграть. Нельзя ли сделать для него исключение?

Он профессор.

-Да хоть академик, мне-то что? Для меня вы все равны. Вы видите, сколько желающих? Один будет спать до девяти и играть в лучшее время, а другой специально встанет в 5 утра, чтобы занять очередь, и останется с носом? Скажите спасибо, что я дал четвёртый корт вашей подруге с восьми, а вам – с девяти. Думаете, я не замечаю ваших махинаций? Два человека два часа подряд занимают лучший корт! Ещё раз замечу, пеняйте на себя. Если вы так хлопчете за своего профессора, то и играйте с ним на вашем времени.

-Но он хочет играть со своим партнёром.

-А где партнёр?

-Тоже спит.

-Ах, спит? Ну, а я живым трупам билеты не продаю.

-Какое хамство!

-Следующий!

Разобравшись с очередью, он вывешивал табличку “До 13 часов свободных кортов нет” и уходил завтракать.

4. ХОЗЯИН

Я обычно брал билет на девять и после зарядки, утреннего заплыва и лёгкого завтрака возвращался на корты. Солнца ещё не было, но о его скором появлении говорило всё: и усилившийся гомон птиц, и освещённые облака над морем, и потемневший склон горы. Я садился на скамейку позади своего корта, вынимал часы и ждал. Стрелки показывали 8.35, 8.36... Этот ритуал я проделывал ежегодно 18 лет подряд. Чудо приближалось. Ровно в 8.37 из-за Гагрского хребта появлялся первый луч солнца и пробегал по кортам от первого до шестого. Только тренировочная стенка оставалась в тени деревьев. Не переставала удивлять и восхищать эта изумительная точность и регулярность нашего светила – вот уж кто никогда не опаздывает! – из года в год ровно в 8.37! Меня посещали странные и наивные мысли. Подумать только – у солнца столько крупных и неотложных дел: вращать планеты, устраивать внутри себя ядерные взрывы, посылая в космос мегатонны энергии. И при этом помнить, что сейчас начало октября, и, стало быть, надо ровно в 8.37 заглянуть в парк Старой Гагры и осветить там шесть кортов: сначала первый, затем второй, третий и т.д. Ну, разве это не чудо?

Залитая солнцем Гагра преображалась. Предметам, растениям, морю, кортам возвращались утраченные за ночь и серое утро родные краски и цвета. От пальм на белые плиты набережной ложились резные тени, а шарики

плодов в гуще пальмовых листьев обретали ярко-жёлтый цвет. Весь парк наполнялся игрой света и теней. Скучный серо-стальной цвет моря заменялся многообразием оттенков синего, белого и зелёного.

К десяти на кортах становилось жарко, мы заканчивали игру и, не переодеваясь, переходили на пляж, благо что на это требовалось не более двух минут. Другие продолжали играть до часу дня. Чикель закрывал корты и начинал готовить их к вечерним баталиям.

Нельзя было не любоваться тем, как он работал. В его движениях никогда не было суеты и торопливости. Поливал ли корты или подкрашивал линии, - держался он всегда прямо, будто палку проглотил, голова поднята, плечи развёрнуты. Очень вероятно, что раньше он танцевал в каком-нибудь национальном ансамбле, во всяком случае, его обнажённая по пояс мускулистая подтянутая фигура, “стальной” живот, горделивая осанка наводили на эту мысль. Трудно было определить его возраст, годы шли, а он не менялся: всё то же морщинистое тёмное от загара лицо, брови “домиками”, совершенно чёрные (чем он гордился) волосы. Лишь залысины, да небольшая плешь выдавали в нём человека в возрасте. Бывало, он мне не раз говорил:

-Э, Жека, да ты совсем белый стал. Посмотри на меня, найдёшь ли хоть один седой волос?

Он не курил, не пил и, будучи по природе своей диктатором, категорически запрещал курить на кортах, приносить и распивать спиртное. У входа висел плакат, нарисованный по его идее: ракетка бьёт по бутылке водки, и та улетает прочь. Были (и не раз!) попытки от чистого сердца пригласить его на “сабантуйчик” или “междусобойчик”, но все они кончались ничем. Когда же случалось такое, что ему никак нельзя было отказаться, то он только слегка пригубливал свой бокал, отдавая необходимую дань уважения, и тут же отставлял его в сторону.

Всё он любил делать аккуратно, чисто и даже с некоторым шиком. На кортах всегда был идеальный порядок: трава выпалывалась, не успевая прорасти; все резьбовые соединения водопровода подогнаны и покрашены; все углы и подозрительные места за скамейками выметены и вычищены.

Салон своей “Волги”, обычной ГАЗ-24, он отделал с особой тщательностью и фантазией. Там было всё: и деревянные панели, и модные динамики, и конечно – набалдашник из оргстекла на рычаге переключения передач, внутри которого непонятным образом была впаяна красная роза.

Как никто другой, он мастерски натягивал струны на теннисные ракетки. Был у него для этого специальный станок, и за небольшую плату он натягивал струны всем желающим. Но коронным его номером была натяжка струн без станка, одними руками. Только так, считал он, можно добиться идеальной струнной поверхности. Когда он проверял силу натяжения, ногтем поддевая струны, прислушиваясь к их звучанию и добиваясь того, чтобы пара одинаковых по длине струн звучала в унисон, было полное впечатление, что перед вами – ни дать ни взять настройщик музыкальных инструментов и что в руках у него не ракетка, а арфа. Это было настоящее искусство.

Он был не лишен тщеславия (а кто свободен от этого недостатка?), любил гоголем, развернув плечи, по-хозяйски пройтись по кортам в своём белоснежном спортивном костюме с красными буквами “СССР” на спине. Понятно, что никогда ни в какую сборную Союза он не входил, но кто это знает? Вспомнилось моё страстное (так никогда и не сбывшееся) детское желание иметь белую футболку с синей буквой “Д” на груди, как у Константина Бескова. Что-то из детства во многих из нас остаётся на всю жизнь.

Он сам был прекрасным теннисистом. И не только хорошо играл, но глубоко понимал теннис, к его советам прислушивались известные советские тренеры. Он умел учить теннису, обладал собственной методикой преподавания и острым глазом, замечавшим все неправильные движения ученика. Как-то Жора приехал в Гагру в конце апреля, раньше всех, кто обычно вырывался сюда на майские праздники не в отпуск (отпуск тратился на Гагру в октябре), а так, накопив “отгулы за прогулы”. Жора был один на кортах, бил потихонечку мячом о стенку, как вдруг Володя подошёл к нему.

-Я тебе хочу сказать одну вещь, только ты не обижайся, хорошо?

-Слушаю тебя внимательно.

-А ведь в теннис ты играть не умеешь. Совсем не умеешь.

-Как так? Я же всех обыгрываю!

-Ну, во-первых, не всех. Ваня Ромашкин делает тебя, как хочет, Валя Митрикевич тоже. Обыгрываешь таких же, как ты сам, чайников, - Лёву, Толю Королёва, да ещё директора ресторана, как его? – забыл фамилию... А! Варзина Женю. Но обыгрываешь только за счёт лучшей физической подготовки, природной ловкости, своего баскетбольного прошлого. Хочешь, я научу тебя теннису? Я не возьму с тебя никакой платы. Если я буду давать тебе платные уроки, никакой твоей кандидатской зарплаты не хватит. Но ты должен слушаться меня беспрекословно, а начнём мы с нуля, с исходной стойки.

И Жора, смилив гордыню, пошёл к нему в ученики. Две недели терпения, две недели пота, унижений, однообразной работы у стенки, криков Володи издалека: “Опять кисть опустил!” дали отличные результаты, Жоре удалось “поймать” правильные движения. Когда Жора приехал в Гагру осенью, мы его просто не узнали: перед нами был техничный теннисист (потом он даже вошёл в первую сотню лучших игроков мира по классификации международной федерации тенниса – в своей возрастной группе).

В четыре Володя снова открывал корты, и повторялась утренняя процедура продажи билетов в порядке живой очереди. Но на сей раз третий корт был недоступен простым смертным: его он оставлял для себя. Наступал его час, и он полностью отдавался любимой игре. Его постоянным партнером и соперником был тбилисец Феро. Всегда много зрителей собиралось на их встречу, так как они были достойны друг друга. Феро больше атакował, Володя предпочитал защищаться, играл резаными ударами. Владел ракеткой он виртуозно. Бросалась в глаза особенность его игры: у него, словно у кошки,

никогда не было некрасивых движений. Выполнял ли он укороченные удары или обводил противника свечами, всё было подчинено логике игры и гармонии движения.

Таков был Владимир Фёдорович Чикель - создатель и хозяин теннисных кортов в Гагре. Как тут не вспомнить Ильфа и Петрова: “Таких теперь уже нету и скоро совсем не будет”.

5. СКОЛЬКО СТОИТ ТЕННИС

Относились к Чикелю по-разному, к неординарной личности - всегда так. Но все сходились на том, что теннису он предан беззаветно.

-Молодец всё-таки Володя: такие шикарные корты, а он держит цену, не повышает, вот уж сколько лет – стабильно 2 рубля в час. В Москве совсем совесть потеряли, давно таких цен нет. Даже на “Локомотиве”, уж на что безобразные корты, асфальтовые, неровные, покрытые ригуполом, во многих местах разорванным и загнутым, – мяч отскакивает совершенно непредсказуемо, - так и то набрались наглости заломить 5 рублей в час. Что уж говорить о более-менее приличных кортах, там до десятки доходит!

-Да, теперь за всё надо платить. Капитализм надвигается неотвратимо. Не представляю, как будем жить.

-Да бросьте вы стонать! Капитализм, капитализм. А у нас что, социализм? Это можно назвать социализмом? Так, ни то, ни сё. Нас так запугали капитализмом, что дальше некуда. Разве люди не живут при капитализме?

-Живут-то живут, да не все в теннис могут играть.

-А вы откуда знаете? Вы что, бывали в капстранах?

-Бывать-то не бывал, но знаю, что простому люду теннис не по карману.

-Вот-вот, это очень типично. Не бывал, но знаю. Не читал, но считаю...

А хотите знать, как на самом деле обстоит дело?

-Ну, ну, интересно.

-Недавно я из первых уст узнал, сколько “там, у них” люди платят за занятия теннисом.

-И сколько? И от кого Вы это узнали?

-От известного нашего тренера по теннису Марата Николаевича Зверева, отца нашей знаменитой теннисистки Наташи Зверевой, которая первой отказалась отдавать завоёванные ею призовые деньги Госкомспорту. Он рассказал... Впрочем, лучше пусть он сам повторит свой рассказ. Я постараюсь передать слово в слово.

КАК Я НАШЁЛ КОММУНИЗМ В АНГЛИИ

Приезжаю я со своей лучшей ученицей Татьяной П. в Лондон для участия в Уимблдонском турнире. Играть, понятно, будет она, а не я. Она мне и говорит: зачем нам, дескать, платить по 250 фунтов стерлингов в сутки с носа за проживание в официально предоставляемом отеле, когда мы можем поселиться в частном секторе и платить 70 фунтов в сутки за двоих? Правда, жить придётся в одной комнате, но уж как-нибудь перетерпим эти неудобства,

зато какая экономия! Я говорю, что ж, я согласен. Поселились, разместились, всё хорошо. На следующий день наш хозяин спрашивает у неё:

-Могу я с твоим тренером выпить пива? Я хочу угостить его.

-Нет, -она отвечает, - он не пьёт пива, не любит.

Хозяин выпучил глаза, покрутил головой, да как заорёт:

-Он что, ненормальный?!

Через день хозяин уже напрямую ко мне обращается:

-Могу я Вас угостить добротным английским пивом?

А я ему отвечаю (она-то уже передала мне свой с ним разговор):

-Я выпью с Вами пива, но с одним условием.

-Каким?

-Я буду пить столько пива, сколько захочу.

-Идёт, - говорит он и заказывает пиво.

Мне ставят бутылку и кружку. Я наливаю в кружку грамм примерно 70, выпиваю и отставляю бутылку в сторону. Он одобрительно кивает головой:

-О-кей! Я вижу, вы совершенно нормальный человек. А могу я попросить Вас поиграть с моими детьми в теннис?

-Ну, что ж, - говорю, - я не против.

-Прямо сейчас?

-Можно и сейчас.

Идём к его машине, а в ней уже сидят его дети, мальчик и девочка. Подростки. Лет так примерно тринадцать-четырнадцать. Едем на машине недолго, минут пять всего. Выходим, смотрю – корты. Восемь кортов. Покрытие – асфальт, но ровный крашенный асфальт или бетон, что-то в этом роде. Хард, как принято говорить. Стоят столбы, висят сетки, всё, как полагается. На двух кортах играют, шесть свободны. Хозяин говорит: “Ну что, займём, пожалуй, вот этот крайний корт”. Стали играть, я провёл с ними неплохую тренировку, показал им кое-что. Играли часа два. Когда закончили, я спрашиваю:

-А кому платить за эти два часа и сколько с нас?

А он и отвечает:

-Никому ничего платить не нужно. Это бесплатные корты. На них может играть любой, кто захочет. Муниципалитет выделяет из своего бюджета деньги, предусмотренные на социальные нужды, спорт и так далее.

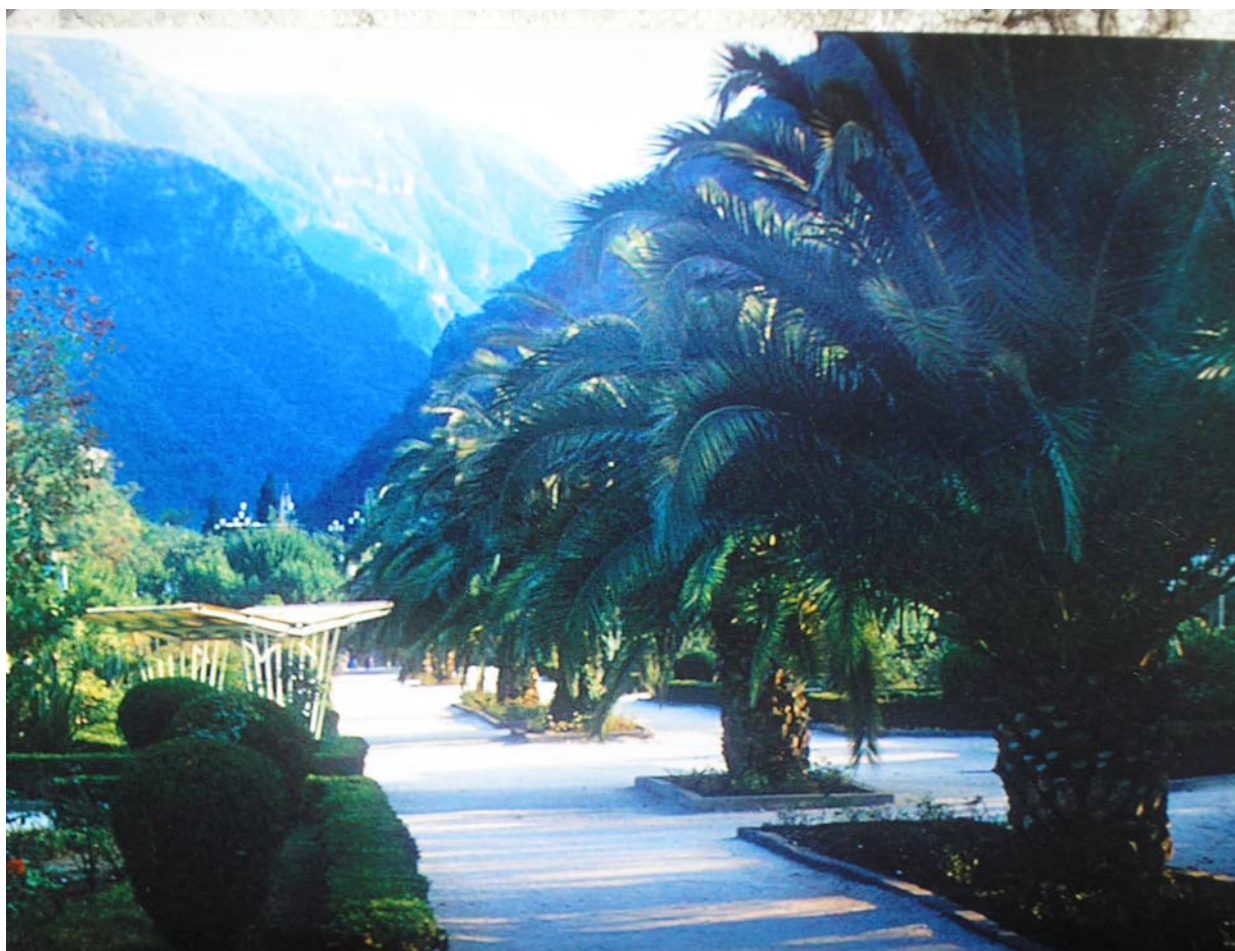
Честно говорю, я просто остолбенел. Мы столько лет болтали, что наша цель – коммунизм. Даже торжественно клялись, что наш народ в 1980 году будет жить при коммунизме. Мы коммунизм строили, строили, а англичане без всякого шума взяли и построили.

Вот что рассказал лично мне Марат Николаевич. А Вы мне тут пытаетесь подсунуть жвачку, которую мы уже жуём с 1917 года.

Такие и подобные дискуссии нередко можно было услышать на теннисных кортах.

На набережной

Перед заходом солнца

Пальмовая аллея

Ресторан «Гагрипш»

Санаторий «Скала»

Колоннада

На теннисных кортах

В парке

6. АФРОДИТА ВЫХОДИТ ИЗ МОРЯ

Теннисный городок, как магнитом, притягивал к себе не только теннисистов, но и многих, кто никогда не играл в эту замечательную игру. Особенно много народу толпилось здесь по вечерам. Намаявшись на экскурсиях и лечебных процедурах, люди гуляли по парку, по набережной и нередко из любопытства заглядывали на корты.

На кортах было оживлённо. Кто-то ждал своей очереди вступить в игру, кто-то глядел на играющих, а кто-то просто забредал людей посмотреть и себя показать. На дальней скамейке шахматисты, отрешенные от всего мира, выясняли отношения. Вокруг них, как водится, грудились болельщики. Время от времени они вмешивались в ход игры и портили ее своими безответственными советами и подсказками.

И вот однажды... В рассказах часто встречается это “и вот однажды”. Опытный читатель понимает, что автор наконец-то приступает к сути рассказа.

Да, так вот однажды был прелестный октябрьский вечер. Солнце склонялось к морю, на корты пали причудливые тени пальмовых ветвей. Мы всей компанией следили за происходящим на втором корте (там чемпион СССР Сергей Сергеевич Андреев проводил показательную тренировку с

Джабой, сыном партийного босса Абхазии) и одновременно слушали одесские байки Лёвы.

Лёва был заметной фигурой в нашей компании. Большая умница, кандидат технических наук (кажется, специалист по теплотехнике), на кортах он держался весело и просто, с ним было интересно. У него была необычная внешность: большой лоб, переходящий в лысину, и сильно высунутые вперед, угрожающе торчащие верхние зубы. Казалось бы, этот физический недостаток должен был служить предметом насмешек, но нет, Лёву все любили, и никто не позволял себе ничего подобного. И всё же вчера наши остряки не смогли удержаться.

Лёва играл против Жоры, традиционная принципиальная встреча была в самом разгаре. Противники обменивались длинными ударами, но внезапно Жора выполнил укороченный удар, да так удачно, что мяч опустился сразу за сеткой. Лёва посчитал, что он сможет достать этот мяч, и от самой задней линии кинулся к нему. К мячу он не успел и по инерции с большой силой влетел в сетку, трос не выдержал и лопнул, сетка упала на землю. Все замерли. И тут в полной тишине кто-то произнёс:

-Лёва трос перекусил.

Смеялись все. Смеялся Жора, смеялась жена Левы Марина и её подруга харьковчанка Лариса. Смеялась вся наша компания: ленинградцы Роберт (мастер спорта по теннису) и Серёжа, москвичи Валя и Тамара Митрикевичи, их сын Виктор, супруги Тамара и Женя Фокины, Толя Королёв, словом, все присутствующие. Другой бы обиделся и надулся, как индюк, а Лёва – нет, он смеялся вместе со всеми. Умные люди на то и умны, чтобы правильно и быстро оценить ситуацию и не поставить себя в идиотское положение. Ведь недаром поётся:

*Пускай капризен успех
Он выбирает лишь тех,
Кто может первым посмеяться над собой!*

Смеялись долго, но постепенно смех угасал и почти совсем угас, как вдруг на кортах появилась Дзидра со своим молчаливым супругом – красавцем Янисом – и задала невинный, казалось бы, вопрос:

-Нам сейчас играть на этом корте. Почему сетка лежит на земле?

Кто-то начал было: “Потому что Лёва...”, но закончить не успел, новая волна хохота поглотила его слова. Наши латыши, ничего не понимая, молча смотрели на корчившихся от смеха людей. Наконец кто-то объяснил им суть ситуации, Дзидра закатилась от смеха и даже Янис не смог сдержать улыбки.

Да, так вот мы наблюдали за тренировкой на втором корте, а Лёва рассказывал анекдоты.

-В поисках хоть какой-нибудь еды молодой человек обегал всю Одессу, но даже на Привозе – одни пустые лавки и полки. Совсем обалдевший, заходит в мясной магазин и нервно спрашивает у продавца: “Рыбы нет? Нет

рыбы? Рыбы нет?”. Мрачный толстый мясник поднимает волосатую руку и указывает на выход: “Дорогой, у меня нет мяса. А рыбы нет – это напротив”.

Взрыв смеха. А Лёва куёт железо, пока горячо:

-На краю тротуара стоит одессит с вытянутой рукой и при появлении желтой машины громко кричит: “Такси!”, но машины – одна, вторая, третья и т.д., - не останавливаясь, проносятся мимо. Вдруг подкатывает частник и распахивает дверцу: “Вам *шашечки* или ехать?”.

-Ну, Лёва, как не совестно? Это же с такой бородой...

-Лёвка, расскажи им про куяльник, - подаёт голос его жена Марина.

-Куяльник? Лёва! Мы же в приличном обществе.

-А шо такое? Что тут неприличного? Куяльник – это наш завод минеральных вод. Выпускает воду “Куяльник №6”. Почему-то только №6. Приезжие этого не знают, и одесситы не упускают случая для небольшого невинного розыгрыша. Гостя посылают в магазин за минеральной водой: “Купи полдюжины бутылок “Куяльник”, но только непременно чтобы была №6, других номеров не покупай. Без №6 не возвращайся”. Озабоченный гость уходит, размышляя, насколько ему повезёт и справится ли он с заданием. Через некоторое время возвращается со счастливой улыбкой на лице: “Есть куяльник! И именно №6!”. Ему говорят: “Молодец”.

Вот тут-то и возник перед нами, как бы соткавшись из воздуха, Виля Король. Впоследствии никто не мог вспомнить, как это он так незаметно подкрался к нашей компании. Виля – редкий гость теннисных кортов. Все дни он проводил на мужском пляже, играя там в преферанс, а на корты заглядывал только, чтобы узнать последние футбольные новости о киевском “Динамо”. Но тут он был явно чем-то взволнован.

-Ребята, что сегодня было! До сих пор прийти в себя не могу. Как всегда, на мужском пляже расположились под навесом на своем излюбленном месте, разрисовали пулю, начали играть. Чувствую, пролетаю, карта не идёт, хоть убей. Я и так, и этак, нет, ничего не помогает. Бандо заказывает мизер, у меня одни портреты, и снести не на что. Следующий розыгрыш: перезакладываюсь, как минимум, на одну, а козыри – четыре на четыре, нет повести печальнее на свете! В результате сижу без двух. Залезаем в распасы – ну, тут все мои. Остальные в порядке, у меня гора растёт, как чумовая. Все уже почти позакрывались, а у меня вистов - кот наплакал.

-Виля, не тяни резину! Кому интересны ваши карточные истории? Говори, что у вас там произошло.

-Сейчас, сейчас. Нет, думаю, надо сделать перерыв, пойду заплывчик до буйка сотворю. Выкупался, стою, обсыхаю. Вдруг появляется парень-красавец, этакий улыбчивый голубоглазый блондин, быстро раздевается догола. Ну, братцы, честно, такой фигуры в жизни не видел. Рост – под два метра, узкие бёдра, широкие плечи, хорошо развитая мускулатура. Явно регулярно где-то тренируется. Все вокруг обалдели. Скажи сейчас кто-нибудь, что он – ну, скажем, олимпийский чемпион по гребле или что-то в этом роде, никто бы и не удивился. И вот этот парень поворачивается в сторону

женского пляжа (а забор там, сами знаете, какой: одно название!), машет кому-то рукой и бежит к морю.

Мы смотрим на женскую половину, там среди общей массы поднимается девичья фигурка и тоже бежит к морю. И вот они плывут всё дальше от берега и всё ближе друг к другу, пока две их головы не соединяются. Уж что они там вытворяли, не знаю, но только всем мужчинам срочно потребовались бинокли и подзорные трубы, потому как, сколько бы они не плавали, а ведь должна же эта девушка когда-нибудь, как Афродита, выйти из пены морской и оказаться на берегу. Да и женский пляж пришёл в волнение и стал готовиться к выходу из моря нашего парня. Словом, переполох был жуткий. А девушка оказалась необыкновенной красоты. Да вот и она! – сказал вдруг Виля и исчез, как сквозь землю провалился.

Мы обернулись... Действительно, в двух шагах от нас стояла девушка, которую до этого мы никогда не видели. Стройная, изящная. Дивные каштановые волосы. Нежное лицо, на котором выделяются большие карие глаза под бровями вразлёт. На верхней губе, чуть сбоку, - небольшая родинка, которая не только не портит, а наоборот, придает её лицу особую прелесть. Она была в той счастливой поре, когда уже не скажешь про неё – девушка, но и назвать её женщиной тоже не поворачивался язык, настолько юными были черты её лица. Лучи заходящего солнца по-особому окрашивали её нежную кожу.

На ней был модный теннисный костюм, а на плече висела в чехле мышинового цвета ракетка фирмы Wilson.

Наши заправские донжуаны после непродолжительного шока тут же сделали стойку, а Толя Королёв даже успел двинуться в сторону незнакомки и произнести “Всё, ребята, пошёл в атаку”, как вдруг от кассы отделился с билетами в руках, видимо, тот самый парень, о котором нам поведал Виля, взял девушку за талию и направился с ней к тренировочной стенке. Атака Толи, не начавшись, затухла.

Наша компания как-то сразу утратила интерес ко второму корту и переместилась в сторону тренировочной стенки. Всем было интересно, что представляет собой красавица на корте. Нас постигло разочарование: играть она вовсе не умела, а делала только первые шаги в теннисе. Её парень руководил ею, пытался ей что-то объяснить. Но мы-то сразу поняли, что теннисом она не увлечена и что толку от этих упражнений не будет.

Мы набрались нахальства и попросили девушку показать нам её чудо-ракетку. Даже просто держать такую ракетку в руках было удовольствием. Ведь многие из нас ещё играли “деревяшками”: либо “Востоком” производства таллиннской лыжной фабрики, либо более престижной “Москвой”. Некоторые, правда, уже обзавелись дюралевыми польскими ракетками “Стомил”. И только наиболее везучие играли пластиковыми “Прогрессами”. А тут – настоящий графитовый Wilson! Обод мышинового цвета, слегка шершавый, на ручке – натуральная мягкая кожа с оттиснутым названием фирмы, головка ракетки – увеличенного размера (оверсайз). А лёгкая! – не то слово, как пушинка. В сравнении с ней наши ракетки были

просто палицами неандертальца. Со вздохом белой зависти вернули мы ракетку её очаровательной хозяйке. Она мило улыбнулась, изящным движением вложила ракетку в чехол и, слегка покачивая бёдрами, направилась к своему парню, который поджидал её у выхода.

7. ТЕБЕ ПОКАЖУТ

На следующее утро только и разговоров было, что о новой влюблённой паре. Приехали они в Гагру на свой медовый месяц как молодые супруги или до этого пока не дошло, никто не знал. Но то, что они без памяти влюблены друг в друга, было ясно всем.

Они почти ни с кем не общались, им ни до кого не было дела, они были заняты только собой. Поэтому долгое время мы даже не знали их имён и называли их в разговорах между собой – ОНА и ОН.

Бывало, что ОН играл в теннис с каким-нибудь партнёром, и в это время ОНА загорала на пляже одна. Местные ловеласы, естественно, делали попытки подкатиться к НЕЙ, познакомиться и т.п., но получали такой отпор, что вынуждены были с позором ретироваться. При этом ОНА обладала способностью, не говоря ни слова, так поставить себя, так мастерски, одним своим презрительным взглядом, отбрызнуть приставалу, будь то плохо говорящий по-русски кавказец или опытный московский “сердцеед”, одержавший на своем веку немало мужских побед, что и тот, и другой, уползая и зализывая моральные раны, чувствовали себя побитыми щенками.

С другой стороны, и женщины, когда ЕЁ не было рядом с НИМ, употребляли всё свое искусство, чтобы добиться ЕГО внимания. Но все их усилия пропадали даром. Окончив тренировку, ОН сломя голову бежал к НЕЙ, и ОНА, увидев его, вся преображалась, встречала ЕГО влюблённым взглядом.

Их выделяла среди других молодых людей какая-то особенная, деликатная манера поведения. Они на людях никогда не обнимались, не целовались, не висли друг на друге, как это принято у молодежи. Максимум, что ОН позволял себе, - это придержать ЕЁ за талию, взять под локоть, иногда поправить прядь её пышных каштановых волос. Чего они совершенно не стеснялись делать, так это смотреть друг другу подолгу в глаза. В эти минуты другие для них не существовали.

Понимая ситуацию, мы не лезли к ним с нескромными вопросами, не заговаривали с ними, но старались угадать по их внешности, манерам, говору, кто они и откуда. Определенно не москвичи, москвича узнаёшь моментально и безошибочно.

*Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый отпечаток.*

Явно - из какого-то крупного города, но в их речи не слышалось мягкого “Г”, стало быть, Одесса, Ростов и Харьков отпадают. Киевляне обладают своим очаровательным акцентом, его не спутаешь ни с каким другим. Они не

киевляне. Может быть, минчане? Это могло бы быть, если бы не одно “но”. Жители Минска задают вопрос с какой-то особой, чуть-чуть еврейской интонацией, повышая в конце голос и слегка протягивая гласную: “Этот поезд идет на Ми-и-инск?”. Но тогда что же получается? – эта северная бледность лиц, эта интеллигентность, деликатность, эта правильная речь с точным выговариванием каждой буквы в слове (они произносили слово “конечно”, акцентируя звук “ч”: не “конешно”, как артисты Малого театра, а “конечно”, “конечная остановка”)... Как же мы раньше не догадались? Ну, конечно, они ленинградцы! Кстати, потом уж мы узнали, так оно и оказалось.

ОНА чувствовала себя в воде, как Ихтиандр, и могла плавать вдоль берега по часу и более. Дошло до того, что дельфины стали подплывать к ней и заигрывать. Был случай, когда маленький дельфинёнок слишком близко подплыл к берегу, внезапно крупная чайка опустилась ему на голову и клюнула его в глаз. ОНА моментально бросилась к дельфинёнку, отогнала чайку, но было поздно: глаз был поврежден. После этого ОНА вместе с Наташей Гущиной долго пыталась оказать бедному животному хоть какую-то помощь. Девушки гладили его по головке, пытались промыть глаз пресной водой, но всё это “лечение”, конечно, ничего не дало. Тогда они отбуксировали его подальше от берега в слабой надежде, что стая дельфинов подхватит его.

ОН, сидя на берегу, играл в шахматы или читал книгу, ни на минуту не упуская ЕЁ из виду. Иногда ОНА призывала ЕГО совершить дальний заплыв: поднимала из воды вверх руку и помахивала кистью (видимо, это был их условный жест). Тогда ОН моментально оставлял своё занятие и, попросив кого-нибудь присмотреть за вещами, стремглав устремлялся к НЕЙ. Заплывали они так далеко, что их головы иногда чуть ли не скрывались за горизонтом. Мы каждый раз волновались за них, кто-то шутил: “Уплыли в Турцию”. Но они всегда благополучно возвращались со счастливыми лицами. Мы все с теплым чувством относились к этой молодой и красивой паре, но, к сожалению, без злословия и тут не обошлось.

Кто-то утверждал, что после одного такого заплыва ЕГО плавки оказались надетыми на левую сторону. И будто бы ОНА первой заметила это и быстро набросила на ЕГО бедра махровое полотенце. Ну, чего не видели, за то не ручаемся, а сплетники для того и существуют, чтобы рассказывать о том, чего не было, или, во всяком случае, не предназначалось для их завистливых глаз.

Сексуальная революция в те годы только ещё зарождалась, но её мощные молодые побеги то и дело прорастали в самых неожиданных местах.

Как-то мы нежились на пляже против кортов, кто-то читал, кто-то играл в шахматы, кто-то просто лежал под навесом, принимая воздушную ванну. По пляжу то и дело, лавируя между тел, проходили абхазские и грузинские женщины, громко крича “Инжиры! Винограды! Инжиры! Винограды!”. В руках у них были корзинки с кулёчками из газеты, в каждом кулёчке – несколько ягод инжира или гроздь винограда. Кулёчек – рубль. Мирная спокойная картина.

Внезапно появились две новенькие молодые, лет по восемнадцать-двадцать, девицы. Видимо – москвички, судя по уверенной манере держаться и нескольким репликам, которыми они обменялись между собой. Переодевшись в кабинке, они облачились в одного фасона яркие купальники, одна – в красный, другая – в желтый. Усевшись на принесённые с собой коврики, не обращая никакого внимания на окружающих, они спустили до талий верхние части купальников, обнажив шарообразные груди, и улеглись загорать. Что и говорить, это было эффектно и шокирующе.

Шахматисты, игравшие под грибком блиц, остановили часы. Седой мужчина, читавший “Комсомолку”, отложил её в сторону, снял очки “для близи” и надел “для дали”. В компании грузин после минутного шока раздалось: “Вай ме!”. На пляже воцарилось полное молчание. И эту тишину нарушал лишь один свистящий звук: “сссс...”. Это все женщины пляжа произносили одновременно одно и то же слово “господи”, выражая высшую степень презрения.

Вы не знаете, как это делается? Я вас научу, это очень просто. Надо уставиться на предмет вашего осуждения, сжать зубы, презрительно скривить губы и некоторое время смотреть на него, как бы испепеляя своим взглядом. Затем резко повернуть лицо в сторону, одновременно произнося первый слог “гос” и как можно дольше держа звук “с”, получается “госссс...”. А последние два слога “поди” можно и вовсе не произносить, это уже не важно.

Первым пришёл в себя и начал действовать один грузин. Он наполнил пластиковый пакет фруктами, подошёл к девицам, вежливо их поприветствовал, поставил рядом с ними пакет и предложил: “Кушайте”. Девицы тут же перевернулись на животики и стали молча и быстро поглощать инжир, виноград и груши. Покончив с фруктами, они, ни слова не говоря, приняли прежнюю позу, то есть легли на спинки, выставив на всеобщее обозрение свои прелести. А грузин вернулся к своей компании, говоря: “Главное в нашем деле – прикормить”. Затем он поднял свой надувной матрац, направился к девицам, положил матрац рядом с их ковриками и удобно улёгся на нем, подперев голову ладонью и теперь уже на полном законном основании получив возможность глядеть на девиц в упор с близкого расстояния.

Иногда девицы бегали купаться, в этих случаях они натягивали купальники на плечи. Но как только они ложились, то тут же снова обнажались. Грузин неподвижно и молча лежал на боку и, не отрываясь, смотрел на них.

Мы всё ждали, когда же возмущение женщин, находящихся на пляже с мужьями, перейдет от тихой и, в общем-то, безобидной формы – змеиного свиста – в какую-нибудь более громкую и эффективную форму, ибо, сколько ни свисти, а их мужья, как и все прочие мужики на пляже, продолжают неотрывно смотреть на этих бесстыжих тварей.

И действительно, вскоре то тут, то там стали разыгрываться безобразные сцены. Мужей сдергивали с насиженных мест, слышна была ругань, а иногда даже (о, боги!) шлепки подзатыльников.

-Ну, чего уставился? Чего ты там не видел, силикона? Это же силикон! Ну, ну, смотри, тебе ещё не то покажут! Тебе покажут!

Мы от души радовались бесплатному развлечению. А рефрен “Тебе покажут!” на долгие годы вошёл в наш лексикон. Как только качество продукта, или предмет искусства, или ещё что-нибудь вызывало сомнение в его первоклассности, мы говорили друг другу: “Тебе покажут!”.

Однако время шло, девицы молча лежали в тех же позах, ничего не происходило. И вот уже шахматисты энергично застучали кнопками шахматных часов. Седой мужчина снял очки “для дали”, надел “для близи” и уставился в свою газету. И даже грузин, зевнув, поднялся, забрал свой матрац и вернулся к ожидавшей его родной компании.

8. ИТАК, ОНА ЗВАЛАСЬ ТАТЬЯНОЙ

Познакомился я с НИМ в утренней очереди за билетами на корты.

Как обычно, встал очень рано и подошёл первым к теннисному городку. Была дивная южная ночь. Тишину нарушал лишь плеск волн, да неумолчное верещание цикад. Лёгкий ветерок доносил с берега йодистый запах морских водорослей, который смешивался с запахом эвкалиптов и других растений парка, образуя неповторимый аромат Старой Гагры. Я любовался звёздным небом. Часто ли мы в городской суете смотрим ночью на небо? Да и что там увидишь в той же Москве, залитой огнями, задымлённой выхлопными газами! А здесь... Как там говорил Кант? “Есть две вещи, которые нам не дано понять: нравственный закон внутри нас и звёздное небо над головой”. Здесь ночное небо представало во всей красе: на абсолютно чёрном бархате рассыпаны знакомые созвездия. Вон Большая, а вон Малая медведицы, на хвостике Малой висит Полярная звезда, значит, Север – там. Вон Кассиопея, а это Орион, Лебедь. И через всё пространство неба течёт широкая река Млечного пути. Захватывающее зрелище.

Ровно в пять, запыхавшись, прибежал ОН.

-Доброе утро, вы последний?

-Доброе утро, да, я первый и последний.

-Ой, как хорошо, значит, я второй?

-Стало быть. Разрешите представиться. Евгений Павлович.

-Женя. Очень приятно.

-Как, и вы тоже? Ты Евгений...

-Я Евгений.

-Ты не гений...

-Я не гений.

-Ты г..но...

-И я г..но.

-Я – недавно...

-Ты – давно.

Мы дружно рассмеялись.

-Я смотрю, вы знаете эту эпиграмму Евтушенко.

-Кто ж её не знает.

-А на кого? Помните?

-По-моему, на Долматовского.

-Верно. Кстати, как вы думаете, это слово... ну, вы понимаете, в приличном обществе его не принято произносить... надо писать через “а” или через “о”?

-В словаре Ожегова этого слова вообще нет, видимо, отнесено в разряд нецензурных. У Даля же ясно сказано – через “о”. И примеры приводятся.

-Вас, я вижу, голыми руками не возьмёшь. Хм, так вы Евгений. Что же, ваши родители (цитирую Райкина) не могли имя поинтереснее придумать?

-Это всё мама у меня. Она фанатично любит Пушкина, обожает роман “Евгений Онегин”, знает его наизусть, и у нас в доме постоянно, по любому поводу звучат цитаты из этого романа. Кстати, это мамино увлечение очень помогло мне. Всем известно обычное отношение свекровей к невесткам: извечная ревность, вражда. Так вот, ничего похожего у нас нет. Мама сразу полюбила мою невесту, как только узнала, что её зовут...

-Неужели Татьяной?

Женя покраснел.

-Да, представьте себе...

Итак, ОНА звалась Татьяной. / Впервые именем таким / страницы нашего романа (то бишь повести) / мы произвольно освятим.

-Ну, ну, не смущайтесь! Это очаровательно, романтично. Мы все любуемся вами, вы такая красивая пара. А где же Танечка?

-Она бегаёт трусцой по набережной, а меня попросила занять очередь и взять билеты на девять.

-А вы что же с ней не бегаёте?

-Я очень хотел бегать с ней вместе, но она пожелала, чтобы я бегал сам по себе, я ей мешаю почему-то, у неё свой ритм. Мне стало немножко обидно, но ничего не поделаешь. К тому же, она на рынок сразу после пробежки решила съездить.

-Я смотрю, Вы у неё, как у Христа за пазухой.

-И не говорите. Мне даже неловко как-то. Кормит меня, как на убой. Я ещё в постели, а она уже несёт завтрак: завёрнутую в одеяло кастрюлю гречневой каши, масло. Я пытаюсь протестовать, а она: “Ну, Женечка, ну, пожалуйста. Тебе надо хорошо и вовремя питаться”.

-Так я Вас поздравляю.

-С чем, если не секрет?

-Она Вас любит.

-Я и так об этом догадываюсь, чувствую.

-Это догадки, предположения, а вот то, о чём Вы рассказали, - это уже бесспорное свидетельство. Знаете, есть такие документы – “Свидетельство о рождении”, “Свидетельство о браке”. Так вот, считайте, что у Вас на руках “Свидетельство о любви”, официальный нотариально заверенный документ. С печатью.

-Но почему?

-Жизненный опыт, дорогой Вы мой, богатый жизненный опыт. И личный, и почерпнутый из наблюдений за взаимоотношениями других людей. Я даже вывел на основании этого опыта собственную формулу, если хотите, афоризм. Звучит он так: “Забота женщины о сытости своего мужчины - абсолютное доказательство её любви”. Да и народная мудрость не зря твердит: путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Примеры? Пожалуйста, сколько угодно.

Женщине по телефону звонит её любимый – муж, любовник, не важно – и сообщает, что явится часа через три, просит не суетиться, так как он только что хорошо пообедал на встрече с друзьями. Когда он приезжает, стол накрыт, сервирован хорошей посудой, на столе салат, жареное мясо, картошечка фри, его любимое вино, коньяк.

Но если мужчина, приехав после работы домой, обнаруживает, что дома – шаром покати (и это уже не в первый раз), а на столе записка с просьбой сходить в магазин, купить пельмени и сварить их себе на обед, - пиши пропало. Это означает только одно: период любви закончился, начинается совместная жизнь привыкших друг к другу людей.

Таковы суровые законы жизни. Или, короче выражаясь, жизнь диктует нам свои суровые законы. Так, кажется, говаривал незабвенный теплотехник и истребитель Остап-Сулейман-Берта-Мария Бендер-бей. Так что я Вас ещё раз от души поздравляю. Ну, ладно. Утром вы тренируетесь, загораете на пляже, а вот вечерами вас что-то не видно. Интересно, что вы делаете по вечерам?

Женя немного помолчал.

-Евгений Павлович, вы не поверите, но я... ношу её на руках.

-То есть как? В переносном смысле, что ли?

-В переносном, конечно, тоже. Но чаще – беру её на руки, она обнимает меня за шею, и таким манером мы совершаем вечернюю прогулку по безлюдной Комсомольской улице. Она показывает мне сверху свои любимые места. Больше всего ей нравится вид сверху на Коллонаду, парк и море. Я ведь здесь впервые, а она в прошлом году уже была в Гагре. Что-то с ней произошло тогда. Никогда не играла в теннис, а тут вдруг, вернувшись из Гагры, сказала, что хотела бы научиться играть.

-Ракетка у неё замечательная.

-Это мой подарок ей на Новый год.

-Представляю, сколько она “потянула”.

-Триста восемьдесят долларов.

-Что вы говорите! Начинающей теннисистке – такую ракетку...

-Мне для неё ничего не жалко. А купил я эту ракетку в Японии.

-Вы были в Японии?

-Да, но не спрашивайте, в каком качестве, это не важно. А вот как мы с моим сослуживцем покупали эту ракетку, пожалуй, стоит рассказать. В Токио пошли в самый большой супермаркет. Над входом огромными буквами по-английски: “У нас есть всё. Если вы не найдёте в нашем магазине нужный вам товар, мы немедленно платим вам неустойку 50 долларов США”. Я ему говорю, давай, дескать, посрамим японцев: спросим, есть ли у них – что бы

такое заказать? О! – сибирские пельмени! Подходим к компьютерщику, вынь да положь, говорим, пачку сибирских пельменей. Что, слабо? Он так хитро и удивлённо посмотрел на нас, почесал в затылке и говорит: “Да, такого ещё никто не спрашивал. Мне кажется, что вы получите свои 50 баксов. Сейчас проверю”. И зашлёпал пальцами по клавиатуре компьютера. “Мне очень жаль, дорогие русские сэры, - говорит, - но наш супермаркет предлагает вам двенадцать сортов сибирских пельменей. Этажи такие-то, ряды такие-то, номера мини-рефрижераторов такие-то и такие. Приятных вам покупок!”.

Несолоно хлебавши направились мы в секцию “Всё для тенниса”, там-то я и купил эту чудо-ракетку по рекомендации специалиста. Вы бы видели её глаза, когда в Новогоднюю ночь она обнаружила под своей подушкой этот сюрприз!

9. КАРЛОВЫ ВАРЫ

-А сами Вы как начали играть в теннис?

-Это произошло случайно. Года три назад вызывает меня начальство. Поедешь, говорит, руководителем туристической группы в Чехословакию, в Карловы Вары. Молодежное агентство “Спутник” организует “Теннисный тур”. Двадцать четыре дня на европейском курорте. Прекрасные корты, лучшие преподаватели чешской школы, горный воздух, ну, и всё такое. Со “Спутником” мы договорились, путёвка для тебя бесплатная. От нас, само собой, получишь командировочные. Словом, готовься. Задание ответственное. Сам знаешь, после 68-го года всякие провокации могут быть. Да и за нашими присмотр нужен.

Ладно. Приезжаем. Место, действительно, замечательное. Теннисный клуб расположен в Гейзирпарке, за чертой города. Отель “Гейзир”, в котором нас разместили, стоит прямо на территории клуба. Тут же протекает речка Тёплая (по-чешски Тэпла), которая и дальше, через центр города течёт. По её берегам и выстроены все эти великолепные архитектурные красоты Карлсбада, как раньше называли Карловы Вары. Корты эти построены восемьдесят лет назад, ровные, ухоженные, играй не хочу.

И тут выясняется, что из всей нашей группы (30 человек) кое-как махать ракеткой умею один я. Остальным этот теннис до лампочки. Не для того же они с таким трудом доставали путёвки, чтобы ерундой заниматься. Для чего наш человек рвется “за бугор”? Музеи посетить? С историей страны ознакомиться? Да, случается и такое. Но чаще – прибарахлиться, подарков да джинсов закупить, чтобы хоть как-то окупить поездку. И винить его за это язык не повернётся: так мы живём. Я и сам первое, что сделал, - купил себе хорошие туфли и костюм.

Чехи это быстро поняли и на всю нашу компанию выделили только одного тренера, самого захудалого. Да и тренером его можно назвать с трудом: сам он играл неплохо, а как тренер ничего не мог толком объяснить, хотя русским владел сносно. Вот он-то со мной одним и занимался, остальные

наши спали до девяти, до самого завтрака, устав от беготни по магазинам и напившись пльзенского пива.

И каким же контрастом было поведение живших с нами в этом же отеле немцев! В семь утра вся группа, как один человек, уже на кортах. Были среди них и мужчины, и женщины, разного возраста, разного роста и комплекции (были и с животиками), но всех объединяло желание научиться играть в теннис и дисциплина. Построение. Переключка (!). Коллективная утренняя гимнастика. Десятиминутная специальная теннисная разминка. И затем пять чешских тренеров без усталости работают до завтрака с маленькими группками по шесть человек в каждой. Теория. Показ. Работа с приспособлениями. Тренировочная стенка. Отработка ударов на корте. Люди приехали учиться и совершенствоваться в игре. Для них слова “Теннисный тур” – не ширма для поездки в Чехословакию, а прекрасная возможность получить уроки знаменитой чешской школы. Им не надо бегать по магазинам, у них в стране полно всяких джинсов и прочего барахла.

И французская молодежь, которая тоже там жила, очень понравилась. До чего они веселы, раскрепощены! Умеют отдыхать. Их “затейники” неистощимы на выдумки, каждый вечер придумывали какие-то новые конкурсы, соревнования, концерты. Ребята с увлечением играли на гитарах и пели, да так здорово. Привезли с собой огромный казан, в каком у нас варят плов, и сварили в нём на костре глинтвейн, очень вкусный. Угощали всех, и нас тоже.

Вот в такой атмосфере я прошел курс чешской школы тенниса и что-то освоил. По окончании этого курса мой тренер устроил мне своего рода проверочную встречу, матч с немецким теннисистом. И моему тренеру, и мне было интересно, на что я способен. Не скрою, я с волнением ждал этого матча, любопытно было, как сложится мой первый “международный” матч и кто будет моим противником. Каково же было моё удивление, когда на корт против меня вышел семидесятилетний старик! То есть человек втрое старше меня. Я в растерянности повернулся к тренеру: дескать, к чему эта комедия? Да я ж его... Но тренер ответил мне успокоительным жестом: ничего, ничего, поиграй с ним, получишь удовлетворение.

Нечего делать, стали играть. Уже по первым ударам на разминке я начал смутно понимать, что всё не так просто. Но по-настоящему я смог оценить, каково соотношение сил, только в игре. Он меня разделал, как бог черепаху. Я не смог взять ни одного гейма! На корте был только один игрок – он. Высокого, почти моего, роста. Подвижный, быстрый, с хорошей стабильной подачей. Техника у него не современная, он играл и справа, и слева только резаными ударами, но это были мощные, а главное – точные удары по углам. Я вынужден был бегать по всему корту, еле-еле успевая к мячу и отражая его куда попало, а там уже находился он и повторным ударом забивал мяч или мягко опускал его на пустой части корта. Иногда он замахивался, делая вид, что ударит сильно под заднюю линию, а сам в последнее мгновение неожиданно подрезал мяч, и тот еле-еле перелетал через сетку на мою сторону и тут же “умирал”.

Словом, я потерпел полное фиаско. Но в то же время я был в восторге от его игры, от его физического состояния в таком возрасте. Невольно сравнивал я его с нашими. Иной наш пятидесятилетний выглядит, как глубокий старик: опухшее лицо, идёт мелкими шажками, одышка, на голове жалкие остатки волос вокруг обширной лысины, впереди себя несёт огромный живот. Для такого жизнь в пятьдесят лет, считайте, почти закончена. А у этого немца она в полном разгаре. Приехал он в Карловы Вары с молодой женой (ей тридцать пять). И вообще ежегодно вот уже в течение пятнадцати лет приезжает сюда в мае.

После игры победитель угощал побеждённого, так у них принято. Он пригласил меня в бар. Сели за столик, себе он заказал бутылку пльзенского пива.

-А вы что будете? – официант спрашивает меня на хорошем русском.

-Я бы хотел бокал мартини.

-Сухой или сладкий?

-Пожалуй, сладкий.

-С лимончиком? – полуутвердительно заканчивает вопросы официант.

Я рассмеялся.

-Да, конечно, вы совершенно правы, с лимончиком.

Удивительные всё-таки официанты в Карловых Варах. Говорят на всех языках. Но мало того, знают вкусы людей разных стран и национальностей, знают жаргон, слэнг. Не “с лимоном”, а “с лимончиком”. Это “с лимончиком” меня совершенно сразило.

Разговорились мы с немцем. Говорили на английском. Владел он им не так, чтоб уж очень, часто делал паузы, подбирая слова, но, в общем, понимали друг друга. Вернер Ланге. Теннисом занимается давно и регулярно. Участвует в международных ветеранских турнирах.

-Оказывается, проводятся и такие!

-Да, и даже есть чемпионаты Европы и мира для ветеранов, существует международный календарь ветеранских соревнований.

-Невероятно! А у нас-то... А скажите, как же они, ветераны, играют между собой? Возраст-то у всех разный.

-Есть возрастные группы, через каждые пять лет.

-Вы в какой играете?

-Я играю в группе “70 и старше”.

-Неужели есть и старше?

-Яволь. Есть “75+”, “80+”, “85+”...

-Вы меня разыгрываете.

-Ничуть. Есть даже группа “90 лет и старше”. Я знаком с одним австралийцем, он прекрасно играет в свои 97 лет. Не обижайтесь, молодой человек, конечно, у Вас всё впереди, но пока Ваш уровень игры не позволит Вам играть с ним на равных, он Вас обыграет.

-Всё, что Вы говорите, кажется фантастикой.

-Но почему?

-Потому что у нас в СССР ни о чём подобном нельзя и мечтать. И теннис не развит, и кортов мало (в маленькой Чехословакии кортов в двадцать раз больше, чем в Советском Союзе), и главное – люди так долго не живут, а если и достигают семидесяти – семидесяти пяти лет, то бегать по корту так, как, например, Вы, уже не хотят, да и не могут. Скажите, Вы уже на пенсии, конечно?

-Да, я пенсионер.

-И Вам достаточно Вашей пенсии для жизни?

-Да, вполне.

-Если не секрет, какая у Вас пенсия, если перевести на доллары?

Он долго думает, что-то бормочет, считает вслух, наконец говорит:

-Я получаю в месяц примерно две тысячи семьсот долларов.

-Мама родная! – вырвалось у меня, - а мой дедушка получает пятьдесят долларов (я немного преувеличил).

-Всего пятьсот долларов? Так мало?

-Не пятьсот, а пятьдесят.

Он никак не мог понять, ему казалось, что плохое знание английского мешает ему. Понадобилась бумага, шариковая ручка официанта, чтобы он наконец понял, что с английским-то у него как раз всё в порядке.

Расстались мы с ним дружески. Он пожелал мне успехов в теннисе, сказал, что задатки есть, только надо больше тренироваться.

Вообще много было интересных встреч и разговоров с иностранцами, после них я на многие события и явления стал смотреть по-другому, не так, как раньше.

Вот так я начал играть в теннис. Потом уже увлёкся и стал играть регулярно. Теперь я без тенниса своей жизни не представляю и при первой возможности бегу на тренировку. Обнаглел настолько, что решил участвовать в первенстве города по третьему разряду. Пока без особых успехов, но все впереди.

10. ЛУННОЕ ЗАТМЕНИЕ

Мы и не заметили, как подошли другие теннисисты, наступил рассвет, пришел Володя Чикель и стал отпирать ворота. Пора было идти за билетами.

Вот так я познакомился с Женей. В последующие дни мы часто с ним встречались, играли в шахматы и беседовали. В нашем кругу особо ценились универсалы, умеющие и любящие одинаково хорошо играть и в теннис, и в шахматы. В дождливую погоду универсалы заполняли беседки и резались с утра до вечера: иные признавали только блиц (для этого они привозили с собой из дому, кроме шахмат, еще и шахматные часы), другие играли так, без часов. Игру без часов любители блица снисходительно называли “игрой по переписке”. Прекрасными шахматистами проявляли себя Валя Митрикевич, Ваня Ромашкин, Феро. Любил поиграть в шахматы и Володя Чикель. К универсалам частенько подсаживались и “чистые” шахматисты. Я знал таких (например, Юру Масленникова), которые в теннис не умели играть, но частенько приезжали в отпуск со всей семьёй в Гагру в сентябре-октябре, в

частности, и для того, чтобы поиграть в шахматы в атмосфере нашего теннисного городка.

Не обходилось, разумеется, и без политических схваток. Все понимали, что дальше так продолжаться не может, что экономика полностью зашла в тупик. Ведь даже в Москве, не говоря уж о провинции, совершенно пустые полки магазинов. И с каждым днём всё хуже и хуже. В газетах, толстых журналах стали появляться, чего раньше никогда не было, глубокие аналитические статьи, видные экономисты приходили к выводам, что больше невозможно держаться за так называемые “социалистические ценности”. Все чувствовали, что грядут большие перемены, но во что это выльется? Сколько людей, столько мнений. Всё-таки не удалось, при всём старании, вытянуть наши мозги в одну линию. И общество стало поляризоваться: одни принимали перемены с восторгом, другие – в штыки. Новоприбывшего спрашивали:

-Вы что читаете: “Огонёк”, “Московские новости” и “Аргументы” или “Наш современник” и “Молодую гвардию”?

-“Наш современник”.

-А! Тогда Вам вон к этим.

Неожиданно оказалось, что люди, много пудов соли съевшие вместе, можно сказать, друзья, росшие в одной и той же атмосфере советских учреждений, сидевшие на одних и тех же комсомольских и партийных собраниях, оценивают события диаметрально противоположно и всё больше и больше отдаляются друг от друга. Но и те, и другие чувствовали, что возможно – мы в последний раз собираемся вместе в Гагре, что наше весёлое времяпрепровождение – это в какой-то степени пир во время чумы. И рождались сами собой стихи:

Мы много лет на отдых стойко

Стремилась только лишь сюда.

Так неужели перестройка

Разлучит с Гагрой навсегда?

А, может, всё и обойдётся?

Свободу грусти не давай.

“Букет Абхазии” найдётся?

Нет? Только “Лыхны”? Наливай!

Пищи для политических споров было предостаточно. Удивительные, невообразимые ещё вчера события происходили в мире. Трещал по швам весь социалистический лагерь, казалось бы, так надёжно скрученный колючей проволокой. Рушилась берлинская стена. Расстреляли Чаушеску с супругой. На Первом съезде народных депутатов появились признаки того, что некоторые народы не хотели бы быть в Союзе.

-Извинит-те, - говорили эстонцы, - но дальше нам с вами - не по вашему ленинскому пути.

-Да, да, - поддерживали литовцы и латыши, - и нам тоже.

-Но почему же? – вопрошали мы.

-А вы не догадываетесь? Тогда перечитайте секретные протоколы, которые вы сами подписали с Гитлером в 1939 году, там все очень ясно изложено.

-Это клевета на руководителей нашей партии и правительства! – громоподобно басил депутат из Харькова таксист Сизов. – Это оскорбление памяти усех наших павших от хытлеризма людэй! За такие слова надо морду бить! Та Хытлер был наш заклятый врах! Ныкаких таких полюбовних с Хытлером протоколоу нэт и быть нэ можить!

-Есть, - тихо отвечали прибалты, – и не надо никому бить в морду. Протоколы есть. Вот копии. А у вас, если хорошо поищите, найдутся и подлинники.

Подлинники нашлись. Обстановка круто поменялась. Теперь уже действительно можно было схлопотать по морде. Депутат Сизов не стал рисковать, заткнулся и уехал в свой ридный Харьков. Он вообще перестал что-либо понимать в этой жизни.

Никакие уговоры “сепаратистов” остаться в Союзе никак на них не действовали. Пришлось прибегнуть к испытанным методам, и “наши” послали в Вильнюс танки, захватили телецентр и застрелили при штурме 13 человек, а в Риге устроили побоище в центре города. Потом примерно то же проделали в Тбилиси и Баку. Но вот что странно. Испытанные десятилетиями, проверенные методы были те же, а ожидаемого привычного эффекта не давали. Наоборот – приводили к противоположному результату. Этот феномен еще требует объяснения. Некоторые считают, что всему виной телевидение. Дескать, всё давно было бы по-другому, если бы на экранах телевизоров мы могли видеть ввод танков в Тбилиси в 1956 и расстрел рабочих в Новочеркасске в 1962 году.

Все эти события живо обсуждались в нашем кругу. Кто-то неистово бил себя в грудь кулаком и восклицал: “Вот увидите, скоро от нас уйдут аж пять республик! За каждую ошибку ставлю бутылку коньяку!”. Этому “пророку” и в страшном сне не могло присниться, что скоро “от нас” уйдут все пятнадцать республик, включая Россию. Что само понятие “мы”, как это ни печально, уйдет в небытие. Ни один человек не мог тогда предположить, что Советский Союз развалится на куски. Такое представить себе было невозможно.

Зато в самой Абхазии многие умные люди предвидели ход событий. Говорят, крысы предчувствуют гибель корабля и заранее покидают его. Некоторые жители Гагры уже тогда покидали свои дома и уезжали, разрешая отдыхающим жить в доме бесплатно и пользоваться всем, включая мебель, посуду и постельное бельё. Мудрость их потом подтвердилась: лучше лишиться своего дома, чем собственной жизни.

В одном из таких домов, красивом голубом “доме со слонами”, как его принято было называть, жили москвички Валя, Рита, Анна Михайловна. Иногда они устраивали нечто среднее между светским раутом и домашней посиделкой. В огромной комнате с камином, где они жили, накрывался стол: вино, фрукты, зелень, сыр. Приглашался узкий круг знакомых. Приглашали и

меня с моей гитарой (“Только, Евгений Павлович, пожалуйста, не забудьте свои тетрадки с песнями и романсами!”). Милая лирическая атмосфера этих встреч запомнилась мне на всю жизнь: полумрак, горят свечи, вокруг знакомые лица, полная тишина. Я легонько трогаю струны и начинаю напевать:

*Давайте восклицать,
друг другом восхищаться,
высокопарных слов
не надо опасаться.*

Остальные негромко подхватывают:

*Давайте говорить
друг другу комплименты,
ведь это всё любви
счастливые моменты.*

Так мы могли петь (и пели) и час, и два, и три. Однажды кто-то предложил продолжить вечер на берегу моря, благо что погода выдалась великолепная: ясное небо, тепло, полная луна и ни ветерка. Захватив остатки вина и фруктов, всей компанией пошли мы на пляж и там продолжили наш вечер, любуясь пальмовой аллеей, гладью моря и лунной дорожкой, в которой время от времени бесшумно возникали и тут же исчезали полукруглые серебристые спины дельфинов.

Вдруг кто-то вскрикнул, как от испуга:

-Смотрите, луна!

-Что луна?

-Луна, луна! На ней тень!

Мы всмотрелись. Действительно, было похоже, что начинается лунное затмение. Тень земли занимала всё больше и больше площади на ослепительно ярком круге луны. Оторванные от цивилизации, мы ничего не знали о том, что сегодня будет лунное затмение и какое будет оно. Часа полтора продолжалось наступление тьмы на свет, и наконец осталась совсем узкая полоска яркого света. Через несколько секунд и она исчезла. Красота пейзажа поразила нас. На месте луны был абсолютно черный круг, по краям которого возникло какое-то особенное свечение. Небо преобразилось, стало еще чернее, а звёзды – крупнее и ярче. Не отрываясь, смотрели мы на луну и ждали, когда же она снова засияет своим, если так можно выразиться, светом. Ждать пришлось довольно долго, и наконец возникла узкая полоска света с противоположной стороны диска. Начался обратный процесс. Было уже поздно, около часу ночи, и некоторые стали прощаться и уходить домой. Я же решил во что бы то ни стало дожидаться полного освобождения луны от тени. Все уже разошлись, а я всё сидел и смотрел на луну, на море, на пальмы и кипарисы. Наконец, тень полностью сползла с диска луны, и я пошел домой.

На Комсомольской улице я увидел Женю, который бережно нес Таню на руках. Меня они не заметили, я стоял в тени кипариса. Их слившиеся в объятии тела были ярко освещены волшебным лунным светом. Они тоже возвращались домой.

11. ВИДЕНИЕ

После нескольких дождливых дней установилась тихая солнечная погода, и пронёсся слух, что в лесах появились грибы.

В Гагре, как это ни покажется странным, любители природы, рыбалки, охоты при желании могут найти себе занятия не хуже тех, к которым они привыкли в лесной полосе России. В холодных и чистых горных реках Жозквара и Гагрипш водится форель. В лесах на склонах гор растёт грецкий орех, фундук, инжир, кизил, многочисленные виды грибов: опята, маслята, подосиновики и даже белые.

Так что упомянутый в начале повествования шукшинский герой – просто лентяй. Если бы он действительно любил костры и рыбалку, то он и в Гагре мог бы ими наслаждаться. Он и жену свою, раз уж на то пошло, мог бы соблазнить.

-Лидусик, - мог бы он ей сказать, - тебе не надоело целыми днями валяться на пляже? Смотри, ты уже вся обгорела. Сколько можно играть в подкидного дурака с чужими мужиками, шляться по косметическим кабинетам, принимать сероводородные ванны и таскаться на концерты гастролёров низкого пошиба? Давай плюнем на всё это и закатимся, как в добрые молодые годы, на недельку в лес, на рыбалку, а? Возьмём болотные сапоги, палатку, котелок. Клещей нам бояться нечего, у меня против них шикарная мазь есть. Шакалы на Кавказе, как известно, не ядовитые.

-А скорпионы?

-Да ты что, Лидусик, их укусы опасны только в мае. Червей накопаяем. Да их и копать не надо. Я тут присмотрел палисадничек у нашего хозяина, выползков там – пропасть! Это черви такие. Да все крупные, жирные. Собирать их надо, когда совсем стемнеет, они тогда выползают на охоту. Освещаешь землю фонариком и хвать его рукой! Старайся, чтобы он оказался между средним и безымянным пальцами, так надёжнее удержишь. Только тут сноровка нужна. Если промедлишь, он, подлец, моментально в норку прячется, и тогда его ни за что не вытянуть, даже порвать можно, а это не очень приятно.

-Кому?

-Обоим: и ловцу, и червяку. Червяку, может, даже неприятнее. Найдём хорошее место на речке, поставим донки, палаточку развернём, костерок. Ночью раза три-четыре проверим донки. Без рыбы не будем, отвечаю! Днём походим по лесу, наберём грибов, ягод. Говорят, ещё осенней малины полно. Хоть несколько дней поживём, как люди!

Против таких аргументов ни одна Лидусик не устоит.

Прослышав, что “слой пошёл”, наши заядлые грибники – Жора, Лариса, Виктор, Толя Королёв, Рита, ещё человек пять-шесть, в их числе и я, - тут же

решили идти в горы по грибы. Сборным пунктом была определена шашлычная в Жюэварском ущелье, где, кстати, желающие могли и перекусить перед дорогой: там на завтрак подавали вкусный горячий хаш – обычное утреннее блюдо аборигенов – и мамалыгу с воткнутыми в неё кусками овечьего сыра и зеленью.

От шашлычной под шум Жюэвары мы двинулись вверх по ущелью, ведомые Жорой, который хорошо знал дорогу. Лес встретил нас тишиной и осенними красками листвы. Приходилось всё время подниматься в гору, но опытный Жора вёл нас змейкой, и идти было легко. То тут, то там попадались опята, и вскоре весёлые перекликающиеся голоса грибников сменили лесную тишину. Постепенно народ разбрёдался, и вскоре я обнаружил, что остался совсем один, отдельные голоса были едва слышны. Заблудиться я не боялся, день был солнечный.

Не спеша брёл я по лесу, иногда наклоняясь и срывая грибы. Внимание моё привлекли густые заросли орешника, сквозь которые проглядывала солнечная поляна и что-то необычное. Раздвинув кусты, я шагнул было на опушку, как вдруг, словно поражённый молнией, окаменел: на поляне стояла Таня. Одежды на ней не было. Закинув руки за голову и закрыв глаза, она вся отдалась ласковым лучам осеннего южного солнца. На её коже, покрытой нежным загаром, резко выделялись два не загоревших, совершенно белых участка: на бёдрах и на груди. На носу и сосках высокой груди белели кусочки бумаги. Её каштановые волосы, обычно убранные в какую-нибудь причёску, были распущены и свободными волнистыми прядями свисали, закрывая всю спину и даже талию.

Умом и данным мне воспитанием я понимал, что должен немедленно уйти, но ничего не мог поделать со своими ногами, они приросли к земле. Найдётся ли современный скульптор масштаба Родена, чтобы в мраморе передать красоту линий этого прекрасного тела? Или справиться с этим сможет только тонкая кисть божественного Коро? А, может быть, изобразительному искусству это вовсе не под силу, и нужно блестящее перо Эмиля Золя, которое призовет на помощь наше воображение? Сумел же он так описать свою Нану, что вот уж сколько десятилетий вертится она, обнажённая, перед зеркалом и вызывает восхищение мужчин стольких поколений!

Большим усилием воли заставил я себя закрыть глаза и отступил в глубину леса. Некоторое время никак не мог прийти в себя, сердце колотилось. Перед глазами всё стояло прекрасное видение. Фу ты, ну ты, вот уж поистине “Седина в бороду, а бес в ребро”. И всё-таки что-то комическое было связано с этим эпизодом моего невольного подглядывания. Никак не мог я вспомнить, а ведь явно какая-то ассоциация существовала и не давала мне покоя. У Чехова и Мопассана описаны подобные эпизоды, но это всё не то, не то. Что-то яркое, характерное, саркастическое. И вдруг осенило: “Сусанна и старцы”! Есть такая картина и, более того, целая тема в живописи, к которой обращались многие художники. Сусанна купается, а старцы из прикрытия с вожделением за ней наблюдают. Танечка с блеском исполнила роль Сусанны,

ну, а малопочтенная роль старцев на сей раз досталась, как это ни печально, мне.

Спускаясь вниз по тропинке, я увидел Женю с большим букетом альпийских луговых цветов в руке. Он широкими шагами быстро и легко поднимался в гору, торопясь к своей любимой. Меня он не заметил, да мне и не хотелось привлекать его внимания. Не мог же я сказать ему, что только что видел Танечку, а фальшивым голосом спрашивать, где она или почему он один, мне не хотелось.

Вечером мы встретились с Женей на кортах, играли с ним в паре против Марины и Лёвы. Женя мне сказал, что в ближайшую субботу Таня улетает в Москву по своим аспирантским делам, он же останется здесь ещё на неделю, а затем вылетит в Ленинград. И мой отпуск подходил к концу, я тоже в субботу тем же рейсом улетал в Москву.

12. ПРЕДЧУВСТВИЕ

В день отъезда я проснулся от резких сигналов машин “Скорой помощи”. Их было множество. Судя по их приближающимся, а затем быстро удаляющимся тревожным гудкам, они на бешеной скорости неслись через Гагру в направлении Сухуми. Внезапно чувство неминуемого несчастья посетило меня. Было ли это связано с непрекращающимися пульсирующими звуками сирен или с тем, что в этот день было тринадцатое число, я не знал. Я не суеверен, хотя есть одно исключение. Если на один и тот же день выпадает тринадцатое число, пятница и полнолуние, я всё-таки особенно собран и осторожен. Но была суббота, луна давно пошла на убыль. И всё же, всё же...

Так или иначе, меня не покидало ощущение, что сегодня непременно случится какая-то большая беда.

Отъезжающие в аэропорт собрались на автостанции, среди них я заметил Таню и провожавшего её Женю. Только и было разговоров, что о странном массовом пробеге неотложек через Гагру. Никто ничего не знал. Ползли самые невероятные слухи. На лице водителя подошедшего автобуса было написано: “Да, я знаю, но мне приказано молчать”. Ну, ещё бы. Чувствовался стиль партийных органов. Если даже после взрыва АЭС в Чернобыле по всем программам звучало: “Оснований для паники нет. Все – на демонстрацию!”, то что уж тут говорить.

Автобус шёл при гробовом молчании пассажиров. Внезапно он остановился. Мы увидели ещё несколько пустых стоящих автобусов из Пицунды, Нового Афона, Сухуми... Водитель через микрофон объявил: “Автобус дальше не пойдёт. Впереди аварийный участок. Следуйте пешком со своими вещами. После аварийного участка добирайтесь до аэропорта автобусами или такси”. Что тут началось! Шум, возмущённые крики:

-Почему раньше не сказали?

-Я на самолёт опаздываю!

-У меня дети, вещи, как я доберусь?

Ругательства взрослых сливались с плачем детей. Оказалось, что сегодня рано утром или даже ночью произошла страшная железнодорожная

катастрофа. Товарный поезд на полной скорости налетел на стоявший скорый поезд “Тбилиси-Москва”. Вагоны вздыбились и налезли на автомобильную дорогу, перекрыв движение. Сотни жертв, расплюснутые вагоны, ужас.

Что делать, надо было спешить к самолёту. Мы двинулись пешком. Впереди всех грузины толкали свои тележки с фруктами, уложенными в картонные ящики с отверстиями. Таня сама несла свои вещи: лёгкий чемодан, плащ и ракетку Wilson. Женя в обеих руках нёс тяжёлые чемоданы, помогая женщине с двумя детьми. У меня на спине – рюкзак, в руках теннисная сумка и гитара. Тяжелее всего пришлось Жоре, у него было четыре места. Кроме обычных вещей, он нёс ещё две тяжеленные сумки с вареньем из инжира, до которого он был большой охотник: не ленился специально ездить в Гантиади к знакомой старушке, собственноручно рвать с дерева в её саду отборные плоды и затем с помощью своей хозяйки варить из них варенье. Теперь этому сладкоежке было туго, так как приходилось проделывать, по сравнению с остальными, тройной путь, перетаскивая свою поклажу в два приёма.

Так мы шли довольно долго, как вдруг после очередного поворота извилистой дороги увидели страшную картину. Внизу – на железнодорожном полотне – смятые и опрокинутые вагоны, часть из них – на пляже, другая – в морской воде. Вверху, загородив дорогу, было два или три вагона. Но уже всю работу сварики, разрезая металлические конструкции и сбрасывая их с помощью автокранов вниз. В огромный рефрижератор засовывали трупы. Все они были без обуви, на пятках виднелись фиолетовые крупные цифры. Всюду дым, сверканье электросварки, рёв машин и ужасный запах, чтобы не сказать вонь. Нам приходилось пробираться, лавируя между рабочими, санитарями, рваным металлом и автокранами.

На Тани не было лица. Женя с тревогой поглядывал на неё. Её качало, она еле держалась на ногах. Казалось, она вот-вот упадёт в обморок.

Миновав этот участок дороги, мы увидели автобусы, подогнанные сюда из Адлера и Сочи. Мы поняли, что спасены, что успеваем к своему самолёту.

13. ПРОЩАЙ, НЕПОВТОРИМАЯ ГАГРА

Очередь на регистрацию не двигалась. Возник конфликт между работниками аэропорта и грузинами из-за их груза. Спор шёл на повышенных тонах. Особенно горячился рослый грузин с большими чёрными усами и огромным животом. Он размашисто жестикулировал, поминутно вытирая потную шею большим цветастым платком, наклонялся над стойкой и громко что-то доказывал.

Другой грузин, небольшого роста, полноватый, с тонкими подбритыми усиками, пытался урезонить своего товарища, дёргал его за рукав и время от времени шептал что-то на ухо, видимо, предлагая действовать другим методом.

Таня и Женя стояли за моей спиной, и до меня долетали обрывки их разговора.

-Танюш, как только прилетишь...

-Помню. Я всё помню.

-Как только прилетишь, сразу, прямо из аэропорта, слышишь? – телеграмму. Договорились?

-Хорошо, хорошо. Значит, так. Борщ – в старом холодильнике, в большой кастрюле...

-Господи, какой борщ, какие кастрюли...

-А котлеты – в новом холодильнике, на кухне...

-Как я жалею, что послушал тебя! Мне надо было лететь с тобой.

-Ну, и что бы ты в Москве делал? Ведь ты её терпеть не можешь. А я целыми днями в институте. Нет, нет, тебе надо здесь ещё побыть, набраться солнышка, моря...

-Какой идиот! Говорят же: послушай женщину и сделай наоборот.

-Не глупи и не дерзи, а то обижусь.

-Ну, не буду, не буду. Прости. Сердце не на месте. Что-то мне не хорошо. Про телеграмму не забудешь?

-Ну, что с тобой, Женюша, а? Всё будет хорошо. Прилечу, дам телеграмму. А через неделю снова будем вместе, в Питере.

Между тем, маленький грузин полностью овладел инициативой: оттащил товарища от стойки, усадил его на диванчик и решительными шагами направился к бригадиру. Он не кричал, не шумел, а отозвал того в сторонку и тихо сказал несколько слов. Внезапно скандал прекратился. Очередь сдвинулась с места. На дырчатые фруктовые коробки стали быстро прикреплять багажные бирки и грузить коробки на тележки. Вскоре можно было видеть, как тележки с фруктами едут по направлению к лётному полю. Метод маленького грузина оказался явно эффективнее.

В салоне самолёта пассажиры рассаживались по своим местам. Спокойная, немного грустная мелодия соответствовала настроению. Отпуск кончился, пора и домой. Знакомый голос и акцент популярного певца Вахтанга Кикабидзе проникали в душу:

По аэродрому, по аэродрому

Лайнер пробежал, как по судьбе,

И осталась в небе светлая полоска,

Чистая, как память о тебе.

Вот и всё, что было, вот и всё-о, что было,

Ты, как хочешь, это назови.

Для кого-то просто лётная погода,

А ведь это проводы любви.

Для кого-то просто лётная погода,

А ведь это проводы любви.

Оказалось, что моё место – у прохода, в том же ряду, что и у Тани. Она уже сидела у круглого окошечка и делала какие-то знаки рукой, вероятно, они с Женей видели друг друга и обменивались прощальными жестами. Между нами пустовало одно кресло. К нему направлялся тот самый рослый грузин, который потерпел фиаско при регистрации своего груза. Своим огромным

животом он чуть не придушил меня, когда попытался протиснуться к своему месту. Мне пришлось встать, чтобы пропустить его. От него пахло вином и шашлыком.

И вдруг он увидел Таню. По его насторожившемуся, как у охотника, лицу, по застывшей фигуре было ясно, что он видит её впервые. Хотя это было странно, ведь все мы вместе ехали в одном автобусе, затем долго шли пешком по дороге, стояли в одной очереди на регистрацию. Не заметить её казалось невозможным. Ни один мужчина не мог пройти мимо неё, не остановив на ней взгляда. Но, видимо, то ли случайность, то ли забота о фруктах, то ли ещё какие-то причины помешали ему раньше разглядеть её.

Он повернулся к задним рядам и громко позвал: “Автандил!”, потом, не поворачивая головы, а лишь слегка наклонив её в сторону, выразительно скосил свои выпученные глаза с большими белками на Таню. При этом уголки его губ опустились, середина нижней губы подалась вперёд и вверх, а голова слегка закачалась из стороны в сторону. В ответ послышался весёлый голос его маленького товарища. Что он говорил, я не знаю, из нескольких фраз, произнесённых на грузинском языке, я разобрал лишь имя “Гоги”. Но тут и переводчик был не нужен. Не боясь ошибиться и немного зная эту публику, я так перевёл для себя речь Автандила:

-Молодец, слушай, Гоги! Ну и везунец ты у нас! Всегда тебе везёт на красивых женщин, аж завидно. Ну, давай, действуй, ты у нас мастер по таким делам! Потом расскажешь, как всё было. С тебя причитается!

Гоги тяжело опустился в кресло. Началась обычная предстартовая суэта: наш экипаж и командир корабля приветствуют вас, полёт проходит на высоте, пристегните ремни, курить запрещается в течение всего полёта и прочие, давно всем знакомые и потому не проникающие в сознание заклинания. Против ожидания, Гоги сидел смирно, с Таней не заговаривал и вскоре задремал. Спал он довольно долго, и лишь однажды, когда Тане понадобилось в туалет, поднялся, пропуская её. При этом он снова обменялся взглядами с Автандилом, сложил кончики пальцев правой руки вместе, поднёс их к губам и тут же вскинул кисть вверх, раскрыв её и как бы говоря: “Вах, какая дэвушка!”.

Объявили, что самолёт приближается к Москве и начинает снижение. Гоги наклонился к Тане и что-то ей сказал. Она резко отвернулась к иллюминатору. Тогда Гоги вытащил из кармана большой красивый перстень с драгоценным камнем, по виду – рубином, в очень изящной оправе, и стал вертеть его в пальцах. Он больше не беспокоил Таню, а терпеливо ждал.

Наконец она отвернулась от окна, и взгляд её упал на перстень.

-Ах, какой! – выдохнула она и поднесла к лицу кулачки.

-Хочиш, будет твой, - спокойно сказал он.

Она вспыхнула, гневно и зло взглянула на него, но... ничего не сказала. Не отрываясь, смотрела она на перстень.

Тогда он молча взял её руку в свою и надел перстень ей на палец. Произошло чудо. Рубин вдруг засверкал новыми красками. Её изящная кисть

с тонкими пальцами, красивыми ухоженными ногтями, нежной кожей, покрытой южным морским загаром, стала ещё изящнее...

На такси они уже садились вместе. Суетился и хлопотал водитель, чуя запах хороших чаевых. Сквозь открытую дверь машины мне хорошо была видна Таня, она сидела на переднем сиденье, бледная, закусив губу и глядя в сторону, в одну точку. На пальце у неё был золотой перстень с рубином.

Грузин не суетился и не спешил. Он спокойно занимался укладкой. Когда в его руках оказались её чемодан и плащ, почему-то почудилось, что теперь это его вещи. Ракетка Wilson не поместилась в багажник, и он небрежно бросил её на заднее сиденье.

14. ЭПИЛОГ

Через год осенью я снова приехал в Гагру и был поражён тем, как она изменилась. Уж не видно было праздничной толпы, не звучала на каждом шагу музыка. Редкие отдыхающие бродили по набережной, на пляже загорало всего несколько человек. Резкие крики павлинов только подчёркивали необычную тишину парка Старой Гагры.

На тех же теннисных кортах я снова увидел Женю. Он бросился ко мне, как будто только и ждал этой встречи. Казалось, он был таким же, как и год назад, - жизнерадостным и энергичным. И всё же что-то неуловимо изменилось в его лице, в его улыбке.

-Таня сейчас у своих родителей, в Выборге, с нашей трёхмесячной Ксюшей, - отвечая на мой вопрос, сказал он. Помолчав, добавил:

-Знаете, Евгений Павлович, какая-то она у меня невезучая. Год назад купила по случаю у какой-то женщины красивый перстень. Но скоро он ей разонравился, и целый год она его не надевала, держала в шкатулке. А недавно решила отнести в комиссионку – чего зря добру пропадать, правда? – а ей сказали, что он фальшивый.

Он как-то грустно улыбнулся и исподлобья испытующе посмотрел мне прямо в глаза. Немой вопрос читал я в его взгляде: “Вы были там тогда, Вы всё видели. Что там было?!”.

Разве я мог хоть чем-нибудь помочь ему? Меня всего трясло от его жгучих глаз, от жалкой улыбки. Я поспешил отойти под каким-то предлогом.

Вскоре он уехал. Больше я никогда его не видел.

Москва-Опатия-Балатонбоглар-Иваново-Минск.

Август 2002 – Июнь 2003.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Магнетическая сила Гагры.....	3
2. Пальмовая аллея.....	5
3. Золотая курица	6
4. Хозяин.....	8
5. Сколько стоит теннис.....	11
6. Афродита выходит из моря.....	16
7. Тебе покажут.....	20
8. Итак, она звалась Татьяной.....	23
9. Карловы Вары.....	26
10. Лунное затмение.....	29
11. Видение.....	33
12. Предчувствие.....	35
13. Прощай, неповторимая Гагра ...	36
14. Эпилог.....	39